

**«ХОЛОДНОЕ ОЧАРОВАНИЕ» МЕДИА,
ИЛИ О РЕГУЛИРУЕМЫХ ВЕЛИЧИНАХ В ПРОЦЕССЕ ПОЗНАНИЯ
И ПУТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МЕДИЙНОГО ОБЩЕСТВА**

**(Рец. на кн.: *Siegfried J. Schmidt. Kalte Faszination :
Medien, Kultur, Wissenschaft in der Mediengesellschaft.
– Weilerswist : Velbrück Wissenschaft, 2000. – 407 S.)***

А. Г. Пастухов

Орловский государственный институт искусств и культуры

Поступила в редакцию 19 февраля 2012 г.

Сразу после выхода в свет первого издания рецензируемой книги газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung» писала: «...у читателей, прочитавших труд З. Шмидта, возникают значительные трудности в переваривании его медиатеории. Считаю медиа главными продуцентами «действительности», З. Шмидт определяет «действительность как пустой, полый конструкт» [1]. Окружающая действительность, по заключению З. Шмидта, – это именно то, что мы конструируем через наше использование и восприятие медиа. Учитывая некоторую долю противоречивости и даже строптивости автора этих газетных заметок, читателю все-таки удастся составить представление о его (шмидтовском), весьма своеобразном понимании производства медиа. Это тем более важно, что при чтении книги мы сталкиваемся с такими непонятными немецкому, да и нашему отечественному, читателю понятиями, выражаемыми у З. Шмидта труднопереводимыми и плохоусвояемыми терминами: *Text-Aktant-Kontext-Syndromen*, *Differenzmanager* и *Intersubjektivierbarkeiten*, которые едва ли способствуют прояснению обсуждаемой проблематики.

Тем не менее, несмотря на «недостатки», З. Шмидт считает свою медиатеорию революционной. В ней он даже замахивается на германистику, считая ее «спекулятивно-герменевтической тёткой». «Холодный ужас» – (*Kaltes Grausen*) – так, перефразируя заглавие книги, выражает рецензент главный итог прочтения этой книги. Попробуем разобраться в причинах такого заключения, а также дать ответы на вопросы, чем же именно хороша теория З. Шмидта и насколько она приложима к современному состоянию науки о медиа.

Зигфрид Й. Шмидт (Siegfried J. SCHMIDT) родился в 1940 г. в г. Юлихе, в Германии. Он интересовался широким кругом гуманитарных наук, изучал

философию, германистику, лингвистику, историю и теорию искусств в университетах Фрайбурга, Гёттингена и Мюнстера. С 1965 г. он начинает научную карьеру – становится сначала ассистентом философского семинара в Карлсруэ, а в 1968 г. защищает кандидатскую диссертацию по философии (Dr. phil.) о взаимосвязи языка и мышления от Локка до Витгенштейна. С 1971 г. он занимает должность профессора кафедры теории текста университета г. Билефельда, а затем в этом же университете становится профессором кафедры теории литературы. С 1979 г. З. Шмидт – профессор германистики и общего литературоведения в университете г. Зигена; с 1984 г. – директор Института эмпирических исследований литературы и медиа (LUMIS). С 1997 г. он возглавляет кафедру коммуникативистики и медийной культуры в университете г. Мюнстера. В 1998 г. он основывает Институт коммуникации и работает в нем директором. За свои научные труды на благо Мюнстерского университета в 2006 г. он получает почетное звание профессора-эмеритуса¹.

Наиболее важные идеи З. Шмидта были сформулированы им в целом ряде научных работ², квинтэс-

¹ В большинстве европейских стран профессор является одной из высших государственных должностей; ему гарантированы высокий оклад, большой отпуск и почетная пенсия. Профессор может не уходить на пенсию по возрасту, а перейти в статус *почетного профессора*, или *профессора-эмеритуса*. Профессор-эмеритус по-прежнему считается сотрудником университета, которому не требуется читать лекции и регулярно ходить на службу. При этом он продолжает играть в университетской иерархии ведущую роль: определять тематику преподаваемых курсов, руководить подготовкой новых кандидатов наук, его мнение считается решающим по большинству административных вопросов на факультете.

² *Schmidt, Siegfried J. Medien und Emotionen. LIT-Verlag. Münster, 2005 ; Idem. Geschichten & Diskurse. Abschied vom Konstruktivismus. Rowohlt : Reinbek, 2003 ; Idem. Orientierung Kommunikationswissenschaft (Hrsg. mit Guido Zurstiege), 2000 ; Idem. Wirklichkeit und Welterzeugung. In memoriam Nelson*

сенция которых заключена, на наш взгляд, в его главном научном труде, который вышел в 2000 г. («Kalte Faszination: Medien, Kultur, Wissenschaft in der Mediengesellschaft» – *Холодное очарование. Медиа, культура, наука в медийном обществе*), в котором Шмидт попытался вывести интегративную модель медиа [2]. Такая модель, по мнению ученого, необходима, так как два главных направления развития мысли в медиалогии – техноцентрическое и антропологическое – имеют в своей основе весьма различные целеполагания. Своей интегративной моделью З. Шмидт объединяет преимущества обоих направлений в одну комплексную и когерентную медиамодель, для чего в качестве теоретической основы он использует конструктивизм и системную теорию Никласа Лумана.

В сути теории З. Шмидта заключено различие медиа по признакам *семиотической, коммуникативной, технологической и социально-системной организации (институционализации)*. По мнению автора, обращать внимание на существующую (сложную или примитивную) систему *медиапредложений* приходится всегда, когда наличествуют *семиотические инструменты коммуникации*, под которыми он понимает материальные условия, имеющие длительный и повторяющийся характер, содержащие различные общественно-структурные сращения (например, разговорный язык, картинки, письменные тексты, звук и др.). Последние всё чаще отождествляются с медийными технологиями. *Медиа технологии* как результат взаимодействия медиа и человека, в свою очередь, в значительной степени влияют на производство и репродукцию (повторяемость) медиа.

Использование медиатехнологий в любом обществе происходит на фоне социализации. Действительно, проникновение того или иного медиа связано с осознанием роли социальных институций (например, в школе, вузе или музее), которые З. Шмидт квалифицирует как *социально-системную институционализацию* медиа. А что же *медийные предложения*? Они, по Шмидту, являются выражением тех аспектов или взаимозависимостей, функционирующих в мире медиа. В то же время, – замечает автор, – медиа зависимы от человека: они работают только через человека и без него не несут какой-либо функции. На ряде ярких примеров он показывает, что отдельные

пользователи, не имеющие в своем распоряжении арсеналов медиа как инструмента влияния, вступают в соприкосновение с ними *только* как члены единого коллектива или целевой аудитории.

З. Шмидт, продолжая отвечать на заглавный вопрос книги о месте медиа в системе культуры и науки, показывает, что в условиях информационного общества можно сделать с медиа, но ограничивает эти возможности рамками четырех указанных измерений (*семиотическим, коммуникативным, технологическим и социально-системным (институционализированным)*) и как бы предваряет вопрос читателя об ожидаемой роли медиавоздействия. Важно, пишет ученый, различать воздействие отдельного медийного предложения, действия дискурсивных систем, действий, которые результируются внутри системы технико-медиаальных диспозитивов и действий, возникающих на основе «изменения коммуникативных, коммунационных и коммунализированных представлений в обществе».

Не случайно, что особое место в установлении медийной модели З. Шмидта занимает естественный язык. Он существует как *прототип коммуникативных инструментов* и как часть медиа, но не как самостоятельное медиа. Заметим, что, исходя из современного опыта, естественный язык все больше «захватывается» медиатехнологиями. В первой главе, которая не случайно называется «Konstruktivismus als eine Grundlage der Medienforschung. Nachträge zum Dauerthema Konstruktivismus», автор находит весьма удачную формулу, согласно которой сообщества требуют соответствующие правила самоописания. Среди них следует упомянуть такие домены, как «медийное общество» (Mediengesellschaft) и «медийная культура» (Medienkultur). В спорах по поводу их обоснования и использования З. Шмидт использует конструктивистские представления о медиакультуре как науке, даже когда некоторые воззренческие и описательные возможности проявляются не сами по себе. Так, экспансия **«радикального конструктивизма»** в медиалогии и другие науки произошла весьма стремительно. Радикальный конструктивизм как эпистемологический подход предполагает, что знание принципиально не может соответствовать объективной реальности или «отражать» ее, поскольку единственный доступный индивиду «реальный мир» представляет собой конструкцию (систему конструктов), порождаемую им самим в процессе познания на основе сенсорного опыта.

Основные представители радикального конструктивизма (Э. фон Глазерсфельд, П. Вацлавик, Х. фон Фёрстер и др.) формулируют центральную парадигму этого направления. Оказывается, что знание не обретается пассивным образом; оно активно конструируется познающим субъектом, а функция познания

Goodman, Hrsg. H.R. Fischer, 2000 ; *Idem*. Die Zähmung des Blicks. Konstruktivismus – Empirie – Wissenschaft, 1998 ; *Idem*. Die Wirklichkeit der Medien. Eine Einführung in die Kommunikationswissenschaft mit K. Merten u. S. Weischenberg, 1994 ; *Idem*. Der Kopf, die Welt, die Kunst. Konstruktivismus als Theorie und Praxis, 1993 ; *Idem*. Kognition und Gesellschaft. Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus. – Frankfurt a/M. : Suhrkamp, 1992 ; *Idem*. Der Diskurs des Radikalen Konstruktivismus. Frankfurt a/M. : Suhrkamp, 1987 (Herausgeber).

носит адаптивный характер и служит для организации опытного мира, а не для открытия онтологической реальности. Мысль Э. фон Глазерсфельда о том, что самое большое, что мы можем знать о «действительной» действительности, так это то, чем она *не* является. «Знание конструируется живым организмом таким образом, чтобы бесформенный в себе и для себя эмпирический поток упорядочить насколько это возможно в воспроизводимые события и более-менее надежные связи между ними. Это означает, что «реальный» мир обнаруживает себя исключительно в том месте, где наши конструкции терпят неудачу. Поскольку все неудачи описываются и объясняются исключительно в тех же понятиях, которые мы использовали при конструировании разрушившейся структуры, никакие препятствия на нашем пути никоим образом не могут передавать ту или иную картину мира, который в противном случае мы могли бы сделать ответственным за неудачу» [3, S. 19].

Для того чтобы нагляднее показать взаимосвязь между эпистемологической и медиатеоретической концепциями в первой части книги автор еще раз задается вопросом: что такое конструктивизм? Демокрит писал, что наблюдатель не должен быть зашоренным только в отношении действительности наблюдателя – сколько о действительностях наблюдателей. В этом кроется, на взгляд автора, традиция множественности подходов в объяснении действительности – философских и когнитивных. Ведь понятно, что для каждого индивида существует свой, именно его мир познания, ощущений, очарований, который в известной степени может аккумулировать их и осуществлять регуляцию в этих, следующих друг за другом когнитивно автономных, замкнутых системах. Внутренние процессы устройства головного мозга проверяют состояние наших ощущений в восприятии окружающего мира и вполне неплохо устроены в части функционирования врожденных, отогенетически приобретенных механизмов восприятия. Таким образом, отражение действительности, сложившееся в нашем сознании, является той конструируемой социальной реальностью, даже несмотря на то, что сознание не имеет прямого «окошка наружу».

Конструктивизм в исследовании медиа у З. Шмидта – это особый дискурс, а не учение. Теория наблюдателя за окружающей действительностью естественно связана с когницией и коммуникацией, что, в свою очередь, порождает более сложный круг проблем, заключенных в триаде: «культура – медиа – действительность». Сами конструкции действительности, так называемые «величины управления» (Steuerungsgrößen), реальность (Realität) существенно сближают теорию Шмидта с социологической теорией познания (П. Бергер, Т. Лукман) – **социальным**

конструктивизмом, – целью которого является оп-ределение путей, с помощью которых индивидумы и группы людей принимают участие в создании вос-принимаемой ими реальности, объясняют суть соци-альных феноменов, которые институционализируют-ся и превращаются в традиции.

Визуальное восприятие, например, проистекает практически у всех одинаково через эволюционное развитие человека. Это не противоречит тезису, что при визуализации речь идет о конструкции мира, а не об отражении действительности. Так же и при чтении: в тексте мы черпаем не готовые значения. Мы конструируем их в своем сознании, и окружа-ющий мир не обретает смысла до тех пор, пока мы не захотим «освоить» и/или осознать его.

Каждый акт коммуникации, как известно, стро-ится на реальных и актуальных событиях и последо-вательно направлен на осознание медийной действ-ительности. Задача «толкователя» изначально заклю-чается именно в увязывании, «гармонизации» внешне противоречащих друг другу высказываний одного и того же автора. Собственно «интерпретация» дейст-вительности как термин допускает множество раз-личных толкований и вдохновляет на весьма инте-ресные опыты построения лингвистических теорий. В этом смысле З. Шмидт обнажает различные сторо-ны «интерпретации», определяя ее как:

1) термин обыденной речи, используемый при указании на субъективные способы рассмотрения высказываний и фактов по отношению к тексту;

2) характеристику художественной презентации с ее субъективным характером;

3) понятие лингвистики и логики, в котором речь идет о том, что некоторому символу приписывается область индивидов, формально допускаемых в качест-ве «интерпретаций» для соответствующего символа [4, p. 241–242].

Указанные аспекты в трактовке термина «интер-претация» – соответственно дескриптивное, объяс-няющее и оценивающее, взятые в своем единстве, выявляют в основном их филологические или лите-ратуроведческие значения [4, p. 242]. В современных теориях они активно интегрируются, живы и много-значны и входят в понятийное поле целого ряда наук, в первую очередь логики и лингвистики, ср.: значе-ние, характеристика, понимание, понятие, коннота-ция, денотация, десигнация, выражение, экстенсио-нал, интенционал, именование, именуемое, референ-ция, репрезентация (представление), смысл, сигни-фикация, символизация и др. [5, с. 40].

Во *второй части* книги «Medientheorien der Me- diengesellschaften. Auf dem Wege zur Mediengesell- schaft» З. Шмидт на основе конструктивистской ме- диатеории продолжает систематизированный анализ теоретических оснований, касающихся системы ме-

диаприложений в их когнитивном и социальном аспектах. С одной стороны, речь идет о представлении знания, о кодировании аффектов и конструировании нашей идентичности на основе медиа. С другой – о взаимоотношении мира медиа и экономики, искусства, педагогики, т.е. о том, как, например, телевидение усваивает функции религии, а реклама становится индикатором измененного сознания, новых ролей в стремлении завоевать внимание и симпатии как можно большего числа читателей и зрителей.

Известный австрийский исследователь медиа Штефан Вебер пишет по этому поводу, не касаясь собственно теории З. Шмидта: «...конструирование действительности на основе социальных систем во многом зависит от того, как эти системы ограничивают себя от окружающего мира. Другого пути восприятия медийного (со)общества просто не существует» [6, S. 11–16]. З. Шмидт идет дальше: «...конструкции действительности являются связанными с субъектом, но не в смысле предвзятости, интенциональности или относительности, а в смысле того, что индивиды в своем конструировании действительности все время опаздывают за ней. Всё, что осознается, посылается сознанием через нейронную деятельность, всё, что говорится, подразумевает действие приобретенного знания языка, как, о чем и с каким эффектом следует говорить ... в рамках общественно регулируемых и культурно программируемых дискурсов существующих социальных систем. Действие этих процессов и организует конструкции действительности и, соответственно, действия собственных порядков действительностей» (перевод мой. – А. П.) [2, S. 47].

Куда медиалогия, или теория медиа, ведет нас в понимании сути медиа как главной систематизирующей платформы в процессе «нащупывания» нитей важнейших конструктивистских перспектив? З. Шмидт как раз и пытается дать ответ на этот важный вопрос, связывая возможности приложения своей интегративной концепции медиа с когнитивными или так называемыми «пользовательскими» аспектами. Известно, что медиакритика в современном мире является широким полем приложения исследований внутри самих медиа: пресса, телевидение, реклама – эти медийные средства и связанные с ними медийные парадоксы привлекают постоянное внимание исследователей как в смысле теоретического и методологического описания, так и в плане выхода в поле «эмпирической медиалогии», которая отчасти проясняет специфику декодирования текстов и артефактов. Хотелось бы верить, что анализ «наблюдения за наблюдением ... за наблюдением ... за наблюдением» или, по выражению З. Шмидта, некая «бесконечная промежуточность» (*Endgültigkeit der Vorläufigkeit*) создает у читателя впечатление, что звучащее вполне

заманчиво ‘холодное очарование медиа’, имеет некоторые видимые плюсы не только с точки зрения деятельности их актантов, но и с когнитивно-коммуникативных и этических позиций.

Как это звучит не парадоксально, решение проблем медиа связано с осознанием условий существования «медийного общества» и «медийной культуры», за которыми общество большинства едва ли успевает. Именно здесь, по мнению Шмидта, возникает задача «дифференцированного менеджмента», которую он рассматривает на примере литературы и искусства.

В *третьей главе* «Differenzfolie Fiktion: Bildende Kunst und Literatur. Kunst und/als Kommunikation» З. Шмидт обращается к таким «фикциональным» медиасистемам, как изобразительное искусство и литература. Произведения искусства – это идеальные предложения наших ощущений или, иными словами, медийных предложений (приложений). Показательные поводы восприятия не всегда порождаются произведениями искусства. Искусство как раз и определяется тем, что не выявляется само по себе эссенциально, а касается лишь тех индивидов, которые сами осознают себя внутри этих процессов.

Так же и литературоведение, если оно не говорит о литературе, а больше о социокультурных условиях использования литературы как системы печатных медиа в их конструировании действительности, очевидно тендирует ко «всеобщему» медиаведению. С термином «медиалогия» возникают тоже некоторые проблемы. Недостаточно прояснены вопросы: какое место занимает медиалогия в общей медийной системе? Как функционирует язык в системе искусств? Искусство *воспроизводит* искусство и/или искусство *конструирует* искусство? Сложность этих бытийных сфер объясняется их диалектикой, отсюда такое внимание к инновациям в литературе, а в эмпирическом плане – и к медиаисследованиям, возможностям создания новых ответвлений в науке – медиакультурологии и медиалитературоведении. Четких границ в этом поле попросту не существует. Очевидно также, что основные изменения в медиакультуре происходят благодаря главным подпитывающим ее источникам – литературе и искусству – самым первым медийным системам в любом обществе.

Практики и потребители продукции медийного общества ежедневно сталкиваются с примерами и образцами современного «мультимедийного» производства, восприятие и осмысливание которого опосредованы медийным опытом индивида. Проводить аналогию литературоведения с медиалогией и считать ее «родственной фирмой» – означает не замечать реальных процессов производства и оценки любых предметосодержащих знаний, порождаемых и транслируемых «культурной индустрией». По этому пово-

ду у лингвистов и деятелей искусств вероятно имеются различные суждения.

Итак, научный труд З. Шмидта, снабженный предметным указателем и обширным списком литературы, в настоящее время является одним из лучших и глубоких произведений, дающих представление о системе радикального конструктивизма, в котором нашли свое отражение идеи замечательных представителей этого направления (Ф.Х. Варела, Х. фон Ферстер, Г. Рот, У. Матурана и др.). Принципиальным моментом в рецензируемой книге является также и то, что «холодное очарование» коснулось не только медиа, но и целого круга других сфер, в которых нашла применение теория конструктивизма. Действительность второго порядка, являющаяся не чем иным, как нашим мировоззрением, мыслями, чувствами, решениями и поступками, накладывается на калейдоскоп и фантазмагорическое многообразие медиасобытий, которые не являются результатом постижения какого-то «действительного» мира. Они сами конструируют определенный мир (один из миров) бессознательно, независимо от нас. И то, каким образом происходит формирование этой действительности, оправданно представляет закономерный интерес для читателей и исследователей.

Орловский государственный институт искусств и культуры

Пастухов А. Г., кандидат филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иностранных языков

E-mail: alexander.pastukhov@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. *Apel Friedmar*. Er hat den Hut auf. Aktanten auf dem Laufsteg : Siegfried J. Schmidts Weltenbaukasten / Friedmar Apel // *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. – 2000. – 16 November. – Rez. auf: *Siegfried J. Schmidt*. Kalte Faszination : Medien, Kultur, Wissenschaft in der Mediengesellschaft. – Weilerswist : Verlag Velbrück Wissenschaft, 2000. – 407 S.
2. *Schmidt Siegfried J*. Kalte Faszination : Medien, Kultur, Wissenschaft in der Mediengesellschaft / J. Siegfried Schmidt. – Weilerswist : Velbrück Wissenschaft, 2000. – 407 S.
3. *Glaserfeld Ernst von*. Einführung in den radikalen Konstruktivismus / Ernst von Glaserfeld // *Die erfundene Wirklichkeit* / Paul Watzlawick (Hrsg.). – München : Piper, 1981.
4. *Schmidt S. J*. Interpretation : Sacred cow or necessity? / S. J. Schmidt // *Poetics*. – 1983. – Vol. 12, № 2/3.
5. *Демьянков В. З.* Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ / В. З. Демьянков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1989.
6. *Weber Stefan*. Was heißt «Medien konstruieren Wirklichkeit»? Von einem ontologischen zu einem empirischen Verständnis von Konstruktion / Weber Stefan // *Medienimpulse. Beiträge zur Medienpädagogik*. – Heft 40. – 2002. – Juni.

Orlov State Institute of Art and Culture

Pastukhov A. G., Candidate of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages
E-mail: alexander.pastukhov@rambler.ru